

Академия

Автор:

Айзек Азимов

Академия

Айзек Азимов

Галактическая история Академия Академия. Основная трилогия #1

Отдаленное будущее... Человечество покорило космос, а Земля уже давно перестала быть центром Вселенной. Огромные размеры Галактической Империи явно не пошли ей на пользу – уязвимость отдельных планет и неэффективное управление угрожают разрушить все, что было создано с таким трудом. Смогут ли Гэри Селдон – ученый, основатель науки «психоистория», восстановить человеческую культуру после грядущей катастрофы и периода варварства?

Айзек Азимов

Академия

Copyright © 1951, 1979 by the Estate of Isaac Asimov

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть I

Психоисторики

Глава 1

ГЭРИ СЕЛДОН – ...(11988–12069 Галактической Эры)[1 - Далее даты приводятся в основном в современном летосчислении. Первым годом новой, Академической Эры считается 79-й.].

Родился в семье среднего достатка на Геликоне, в секторе Арктура, где его отец, как гласит весьма сомнительная легенда, занимался выращиванием табака в гидропонной теплице. Паранормальные математические способности Селдона проявились в раннем возрасте. Утверждают, что в двухлетнем возрасте...

Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в психоисторию. Приступив к ее изучению, он не нашел в этой науке ничего, кроме расплывчатых аксиом. Потомкам же он оставил статистическую науку...

Самым достоверным и подробным описанием его жизни является биография, составленная Гаалем Дорником, который встретился с Селдоном за два года до смерти великого математика. История их знакомства...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ [2 - Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го Издания, опубликованного в 1020 году Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения Издательства.]

Гааль Дорник, родом из провинции, ни разу в жизни не бывал на Тренторе, видел его только в гипервизионных фильмах и передачах. Пару раз ему посчастливилось посмотреть грандиозные трансляции с коронации нового Императора и с открытий заседаний Галактического Совета. Но и прожив всю жизнь на Синнаксе, маленькой планетке, обращающейся вокруг звезды на окраине Голубого Потока, он не был нецивилизованным изгоем. В те времена

оторванных от цивилизации мест уже не существовало.

В Галактике насчитывалось около двадцати пяти миллионов обитаемых миров, и все они входили в состав Империи, столицей которой был Трентор.

Для Гааля теперешнее путешествие менее всего означало конец юности и учебы. Прежде он бывал в космосе только на экскурсиях и раз посетил единственный спутник Синнакса с целью сбора данных о метеорном потоке, необходимых ему в работе над диссертацией. Месяц назад он получил степень доктора математики, а через две недели – приглашение от великого Гэри Селдона прибыть на Трентор для участия в разработке проекта.

Итак, в свое первое настоящее космическое путешествие он улетал на многие миллионы миль и световых лет от дома...

Гааль настраивался на прыжок через гиперпространство совсем недолго, хотя в обычных межпланетных перелетах эти ощущения нельзя испытать. Путешествие в обычном пространстве могло проходить со скоростью, не превышающей скорости света, – что известно науке еще из забытой эпохи истории человечества, – поэтому на путешествия даже между ближайшими обитаемыми системами уходили бы годы. А в гиперпространстве, этой не поддающейся воображению области, не являющейся ни пространством, ни временем, ни веществом, ни энергией, ни вакуумом, можно было пересечь всю Галактику за мгновенный промежуток времени.

Гааль в прыжке, кроме пустякового толчка, ничего не ощутил. И даже подумал, уж не показался ли тот ему. Гааль, почувствовав разочарование, с нетерпением ждал, какое впечатление на него произведет сам Трентор. Он отправился в зал видового обзора. Стальные шторы открывались в определенное время, и он не пропускал ни одного сеанса. Восхищенный Гааль любовался великолепным зрелищем звездного неба, напоминавшим ему стайки светлячков, внезапно остановленные неведомой силой в полете и застывшие навсегда. В один из сеансов обзора видимой стала холодная, голубовато-белая газовая туманность, находившаяся на расстоянии пяти световых лет от корабля. Расплываясь по небу, как пролитое молоко, она через два часа, после следующего прыжка, исчезла из виду.

Трентор обращался вокруг солнца, и оно, возникнув в иллюминаторах обзора, представляло собой всего лишь белую точку, одну из миллионов подобных ей. Если бы не указания маршрутной карты, ее невозможно было бы выделить и отличить. С каждым очередным прыжком солнце Трентора сияло все ярче, а остальные звезды блекли в сравнении с ним.

Мимо прошел офицер, бросив на ходу:

– Зал обзора закрывается. Приготовьтесь к посадке.

Гааль догнал его и схватил за рукав белой формы, на котором красовалась эмблема Империи – «Звездолет и Солнце»:

– Простите, а никак нельзя побыть здесь? Мне бы так хотелось увидеть Трентор!

Офицер улыбнулся, и Гааль покраснел от стыда за свой провинциальный акцент.

– Утром будем на Тренторе, – улыбнулся офицер.

– Я понимаю... Мне хотелось посмотреть отсюда.

– Простите, юноша. К сожалению, у нас – не космическая яхта. Мы подлетаем с солнечной стороны. Не хотите же вы ослепнуть, получить ожоги и заодно облучиться?

И Гааль, вздохнув, зашагал к своей каюте.

Офицер крикнул ему вслед:

– Да не огорчайтесь вы так! Трентор выглядит всего-навсего таким серым шаром. Когда прилетите, можете взять билет для осмотра с орбиты. Это и недорого совсем.

Гааль обернулся:

– Большое спасибо!

Конечно, обижен он был, как ребенок. В горле стоял ком горечи и досады. Ожидание становилось невыносимым...

Глава 2

Корабль опускался на Трентор. Шумы сменяли друг друга. Послышался отдаленный свист – это звездолет рассекал атмосферу. Урчали кондиционеры, борясь с нагревом обшивки, гудели трудившиеся в режиме торможения двигатели. Галдели пассажиры, собираясь в зале высадки, жужжали лифты, поднимавшие почту, багаж и прочие грузы.

Легкий толчок означал, что свободное движение закончилось и теперь на звездолет действовала только сила притяжения планеты. Тысячи пассажиров, устроившись в уютных креслах дебаркационных залов, ожидали посадки.

...Багажа у Гааля было немного, а таможенная процедура оказалась на удивление короткой. Инспектор пробежал глазами визу и поставил печать. А Гааль – смотрел по сторонам.

Трентор!

Воздух показался здесь более плотным. Немного сильнее, чем на Синнаксе, было притяжение, но и к этому можно привыкнуть.

Здание космопорта было громадным. Даже задрав голову, Гааль не разглядел потолка. Не видел и ближайшей стены. Видимую часть помещения занимали столы, за которыми сидели таможенники, а дальше все скрывалось в туманной дымке.

Инспектор обратился к Гаалю – видимо, уже не в первый раз:

– Все в порядке, идите.

– Куда? – растерянно пробормотал Гааль, оглядываясь по сторонам.

- К такси. Направо, потом третий поворот налево.

Гааль двинулся в указанном направлении и вскоре заметил в воздухе над собой указатель - буквы светились в пустоте: «ТАКСИ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ».

Только Гааль отошел от стола, как на его место тут же встал другой человек. Таможенник коротко кивнул ему. Человек кивнул в ответ и последовал за Дорником. Гааль уперся прямо в ограждение. Маленькая вывеска гласила: «Диспетчер». Тот, к кому это относилось, буркнул, не взглянув на Гааля:

- Чем могу?

Денег у Гааля было в обрез, но скоротать ночь где-то надо, и он как можно более небрежно бросил:

- В приличную гостиницу.

- У нас все гостиницы приличные, - невозмутимо отозвался диспетчер.

- В ближайшую, - обреченно выдохнул Гааль.

Диспетчер нажал клавишу на пульте. На полу возникла тонкая полоска света, пересекавшаяся с другими, различных цветов и оттенков. Диспетчер подал Гаалю пластинку-билет, слегка светящуюся и того же цвета, что и линия на полу.

- Один двенадцать, - сказал диспетчер. Гааль отсчитал монеты.

- А теперь куда?

- Идите по линии. Пластинка светится, пока вы следуете в верном направлении.

Гааль пошел вперед, туда, куда вела его светящаяся полоска. Рядом с ним двигались сотни людей. Временами кто-то сворачивал направо или налево.

Неожиданно световая ниточка оборвалась, и перед Гаалем вырос носильщик в новенькой желто-голубой униформе из пластотекстиля. Он подхватил чемоданы Гааля.

- Прямая линия на «Люксор», сэр.

Шедший следом человек, услышав эти слова и ответ Гааля: «Хорошо», - проследил, как тот садился в тупоносое такси...

Такси мягко набирало высоту. Гааль смотрел в овальное окно. Было от чего недоумевать - довольно приличный подъем, а они все еще летели внутри здания. Секунда - и люди внизу стали похожи на спешащих куда-то муравьев. Еще секунда - и они пропали из виду.

Впереди возникла бесконечная стена, множество отверстий в ней представляли собой входы в туннели. Такси с Гаалем подлетело к одному из них и втянулось внутрь. Гааль так и не сообразил, как это водителю удалось выбрать именно тот, который был им нужен. В один миг их окружила непроницаемая чернота - только сигнальные огни мигали, разрывая темноту, да шум двигателя нарушал тишину.

Гааля по инерции наклонило вперед - такси выскочило из туннеля и опустилось на тот уровень, с которого они начали полет.

- Отель «Люксор», - безразлично сообщил водитель.

Он помог Гаалю вынести багаж, деловито взял купюру, подобрал ожидавшего такси пассажира и исчез в высоте.

...Все это время, с момента приземления звездолета, Гааль ни разу не видел неба.

ТРЕНТОР – ...В начале тринадцатого тысячелетия этот вариант развития исчерпал себя. Будучи резиденцией правительства Империи на протяжении жизни сотен поколений, расположенная в центре Галактики, среди наиболее густонаселенных и индустриально развитых миров, сама планета Трентор была перенаселена до крайности.

Урбанизация планеты достигла предельной точки. Вся поверхность суши Трентора – 75 млн кв. миль – представляла собой один город. Число его жителей выросло до 40 миллиардов. И эта огромная масса людей была занята административной деятельностью на благо Империи, при том, что для выполнения всех необходимых работ служащих еще и не хватало. (Здесь нелишне упомянуть, что – под отнюдь не самым бдительным руководством последних Императоров – неспособность наладить четкий административный контроль в Галактической Империи стала одним из факторов ее распада.) Каждый день огромные флотилии звездолетов доставляли на Трентор продукты из двадцати сельскохозяйственных миров...

...Полная зависимость во всех жизненных потребностях от других миров – ахиллесова пята Трентора – сделала его чрезвычайно уязвимым. В течение последнего тысячелетия существования Империи один Император за другим сталкивались с непрекращающимися мятежами. Имперская политика сосредоточилась на защите от экономической блокады...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гааль не знал, какова была скорость вращения Трентора, светило ли солнце. Он так и не смог понять, день сейчас или ночь. А спросить стеснялся. Его только что кормили завтраком, но на многих планетах живут по стандартной схеме, не обращая внимания на такие неудобные понятия, как утро, день, ночь и вечер.

Он было обрадовался, увидев табличку «Солнечная комната», но оказалось, что за дверью – всего-навсего кабинка, где можно позагорать под кварцевой лампой. Через пару минут он спустился в фойе.

– Где можно купить билет на обзорную экскурсию? – спросил Гааль у администратора.

– У меня, если желаете.

– А скоро начало?

– Только что отправили. Следующая – завтра. Можете купить билет прямо сейчас.

– Вот как...

Завтра... Завтра – поздно. Завтра надо быть в Университете.

– Простите, а нет ли здесь чего-нибудь вроде смотровой площадки? Я имею в виду – на открытом воздухе?

– Разумеется! Можете приобрести билет. Я только взгляну, не идет ли дождь.

Администратор нажал кнопку на рукаве, возле локтя. Загорелся маленький экранчик, побежали буквы. Гааль прочел их одновременно с администратором.

Тот отвел взгляд от экранчика и сказал:

– Погода хорошая. Если не ошибаюсь, сезон дождей кончился. – И доверительно добавил: – Я-то сам редко попадаю наружу. Последний раз выбирался года три назад, и что-то больше не тянет. Лифт у вас за спиной. Там табличка «На Башню».

Гааль направился в кабину лифта незнакомой для него конструкции, туда зашли еще несколько человек, и лифтер нажал кнопку. Указатель тяжести показывал «ноль». Гааль ощутил, что тонет в пространстве. Через секунду вес вернулся к нему, но все равно показался меньше обычного. Опять невесомость – и ноги Гааля оторвались от пола. Он судорожно задергался, пытаясь уцепиться за стенку лифта.

– Вы что, неграмотный? – прикрикнул на него лифтер. – Написано же! На полу скобы для ног – закрепитесь!

Гааль огляделся и увидел, что остальные пассажиры преспокойно стоят на полу. Не скрывая улыбок, они смотрели, как Гааль перебирал руками по стене, пытаясь опуститься на пол. Стыд-то какой! А ведь как вошел – видел никелированные скобы на полу, не обратил внимания!

Наконец какой-то мужчина подал ему руку и потянул вниз. Пока Гааль бормотал слова благодарности, лифт остановился на открытой террасе, залитой лучами солнца. Мужчина, который только что помог ему, не отставал.

– Тут можно присесть, – мягко сказал он.

Гааль благодарно кивнул незнакомцу и направился вслед за ним к креслам, но остановился на полпути.

– Мне бы хотелось немного постоять у парапета, если не возражаете.

Незнакомец дружески помахал рукой. Гааль подошел к высокому, по плечо, парапету. Сверху открывалась величественная панорама Трентора.

Землю закрывали хитросплетения построек. Горизонт, насколько доставал глаз, занимали металлические конструкции. Все видимое пространство было одинаково ровного серого цвета. Только несколько прогулочных яхт крутилось в небе. Весь многочисленный транспорт трудился внизу, под металлической корой планеты.

Ни один цвет не оживлял однообразно-серого пейзажа. Ни зелени, ни почвы. Гааль знал, что где-то на Тренторе расположен императорский дворец, занимавший сто квадратных миль, утопавший в цветах и зелени, – маленький островок в стальном океане. Но отсюда его не было видно.

Необходимо как можно скорее отправиться на обзорную экскурсию!

Он впервые по-настоящему ощутил себя на Тренторе, в столице Галактики, в центре человеческой цивилизации. Оттуда, где он стоял, не все было видно... Он не видел звездолетов, приземлявшихся с продовольственными грузами, не знал о существовании тонкой пуповины, связывающей Трентор со всей Галактикой... Он ощущал только могущество человечества, полное и бесповоротное

завоевание мира.

Гааль отошел от барьера слегка ослепленным. Попутчик из лифта помахал ему рукой; Гааль подошел и сел рядом с ним.

Незнакомец улыбнулся:

- Меня зовут Джеррил. Вы впервые на Тренторе?

- Да, мистер Джеррил.

- Ну вот, я так и думал. Только Джеррил - это имя, а не фамилия. Да... Трентор захватывающе действует на молодых людей с поэтическим воображением. А сами тренторианцы, между прочим, не очень любят сюда подниматься. Им это на нервы действует, знаете ли.

- На нервы? О, простите, я не представился. Меня зовут Гааль. А... почему им это действует на нервы? Такое величественное зрелище!

- Ваше мнение в данном случае субъективно, Гааль. Если бы вы родились в кубике, выросли в туннеле, потом всю жизнь работали в клетке и проводили отпуск в кабинке «Солнечной комнаты», а потом неожиданно оказались бы на открытом воздухе, думаю, вы бы получили нервный шок. Поэтому детей с пяти лет водят сюда раз в год. Не знаю, на пользу ли им это. Они не хотят отсюда уходить, просто истерики закатывают! Думаю, следовало бы начинать их водить сюда гораздо раньше - как только отнимают от груди. И не раз в год, а каждую неделю. Но на самом деле и это неважно. Что стряслось бы, если бы они вообще не поднимались наверх? Они счастливы там, внизу, эти люди. Они трудятся на благо Империи. Да, кстати, как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

- Полмили? - предположил Гааль и тут же понял, как беспомощно и наивно это прозвучало. Джеррил улыбнулся:

- Нет. Всего пятьсот футов.

- Как же так? Но только на лифте мы поднимались...

- Да-да, все правильно. Дело в том, что большую часть времени мы поднимались на уровень первого этажа. Трентор – айсберг. Его подземная часть прорыта на милю вглубь. То есть девять десятых города скрыто от глаз. Он под дно бывшего океана уходит на несколько миль в глубину. Мы углубились настолько, что можем использовать разницу температур на глубине и на поверхности для снабжения планеты энергией. А вы не знали?

- Нет. Я думал, вы пользуетесь атомными генераторами.

- Когда-то пользовались. Но так дешевле.

- Можно представить!

- Ну и что вы думаете обо всем этом?

Взгляд Джеррилы изучающе скользил по лицу Гаалья.

- Потрясающе! – ничего не замечая, воскликнул Гааль.

- Если не секрет – что вас сюда привело? Отпуск? Путешествуете, осматриваете достопримечательности?

- Не совсем. То есть мне всегда хотелось побывать на Тренторе. Но приехал я по работе.

- Вот как?

Гааль понял, что придется объяснить подробнее:

- Я получил приглашение принять участие в проекте Селдона в Тренторском Университете.

- Ага... Прямым, значит, к Ворону Селдону в гнездо?

- Простите, не понял?

– Я про него говорю, про Гэри Селдона. Просто у нас его так называют. Он предсказывает всякие неприятности, вот его Вороном и прозвали.

– Правда? – неподдельно удивился Гааль.

– Я вам серьезно говорю. – Джеррил и правда не улыбался. – А вы что, работать у него собираетесь?

– Ну да. Я – математик. А... почему он предсказывает неприятности? Какие именно?

– А вы как думаете?

– Понятия не имею. Я знаком с работами доктора Селдона и его группы. Это же теоретическая математика.

– Ну естественно. Опубликованные, – многозначительно подчеркнул незнакомец.

Гааль почувствовал себя неловко.

– Простите, я, пожалуй, спущусь в номер. Очень рад был познакомиться.

Дорник встал и поклонился. Джеррил небрежно помахал рукой.

...В номере Гааля ждал пожилой мужчина. Дорник от неожиданности онемел, потом проговорил сдавленным шепотом:

– Что вы тут делаете?

Мужчина тяжело поднялся из кресла и шагнул навстречу Гаалю, слегка прихрамывая. Глаза у него были живые, веселые, ярко-голубые.

– Я – Гэри Селдон, – сказал он, и Гааль, опомнившись от неожиданности, узнал лицо, которое столько раз видел на журнальных фотографиях.

Глава 4

ПСИХОИСТОРИЯ – ...Гааль Дорник, пользуясь нематематическими терминами, определил психоисторию как раздел математики, изучающий реакции человеческих сообществ на определенные социальные и экономические стимулы.

...Основное во всех этих определениях – безоговорочное принятие того, что человеческое сообщество велико для того, чтобы статистическая обработка данных давала достоверные результаты. Необходимая численность сообщества может быть определена с помощью Первой Теоремы Селдона, которая гласит...

...Следующее необходимое допущение заключается в том, что само человеческое сообщество не должно догадываться о том, что подвергается психоисторическому анализу, – только тогда реакция будет носить естественный характер.

...Основой психоисторического анализа служат функции Селдона, представляющие свойства, конгруэнтные по отношению к таким социальным экономическим силам, как...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

– Добрый день, сэр, – запинаясь, проговорил Гааль. – Я...

– Вы думали, что мы встретимся не раньше чем завтра? В общем, да... Но дело в том, что мы очень торопимся. А добровольцев находить все труднее.

– Сэр, я не понимаю...

– Вы разговаривали с человеком на Башне, не так ли?

– Да... Его имя – Джеррил. Больше я о нем ничего не знаю.

– Его имя абсолютно ни при чем. Он – агент Комитета Общественного Спасения. За вами шел от самого космопорта.

- Но почему? Ничего не понимаю!

- Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль смутился:

- Он назвал вас... Вороном.

- А почему - объяснил?

- Он сказал, что вы предсказываете... м-м-м... неприятности.

- Хм... Ну ладно, скажите, какое впечатление на вас произвел Трентор?

Надо же - всем интересно, что он думает о Тренторе!

Гааль не нашел другого слова и выпалил:

- Восхитительно!

- Ну, это первое впечатление... Ваше мнение с психоисторической точки зрения?

- Я никогда не думал о ее конкретном приложении!

- Поработаете у меня, молодой человек, и научитесь применять методы психоистории ко всему подряд. Посмотрите-ка.

(Тут он вынул из кармана маленький калькулятор.)

Поговаривали, что Селдон держит его под подушкой и достает, как только просыпается. От частого пользования блестящая панель калькулятора потускнела. Пальцы Селдона, усеянные старческими пятнышками, проворно забегали по клавишам. На сером экране загорелись красные цифры.

Он пояснил:

- Вот что представляет собой сегодняшнее состояние Трентора.

Селдон ждал. Наконец Гааль произнес:

- Это, конечно, не полная картина?

- Да, не полная, - согласился Селдон. - Я рад, что вы не принимаете моих утверждений на веру. Однако в первом приближении их можно использовать для прогноза. Согласны?

- Если потом я смогу верифицировать деривацию функции - согласен.

- Отлично. Добавим к этому известную возможность распада Империи, мятежа вице-королей, учащения периодов экономической депрессии, снижения объема планетарных исследований и...

Он продолжал перечисление. Как только он называл очередной фактор, на экране загорались новые цифры, и значение функции все время менялось.

Гааль остановил Селдона только один раз:

- Я не понимаю значения этого преобразования.

Селдон повторил расчеты еще раз, более медленно.

- Но вы производите запрещенную социооперацию!

- Вы очень сообразительны, - улыбнулся Селдон. - Но в этом смысле такая операция не запрещена. А сейчас я ее проведу методом расширения.

На этот раз вычисления потребовали больше времени. В конце концов Гааль проговорил:

- Да. Теперь я понял.

Селдон оторвался от калькулятора и устало сказал:

– Вот что будет представлять собой Трентор через пять тысячелетий. Как бы вы это определили?

Он лукаво склонил голову набок и ждал ответа.

Гааль смотрел на цифры, не веря глазам.

– Полный упадок? Но... но это невозможно! Трентор никогда...

Селдон был явно доволен.

– Ну-ну, продолжайте. Вы же видели, как получился этот результат. Забудьте на минуточку о цифрах, скажите просто.

Гааль проговорил медленно, подбирая слова:

– Получается так, что чем больше у Трентора административной власти, тем он уязвимее и тем более желанной добычей становится. Поскольку с годами наследственные права на имперский престол станут все более сомнительными, возникнут распри в борьбе за него среди аристократических семейств. Социальная активность пойдет на убыль...

– Достаточно. Теперь по поводу вероятности распада Империи через пятьсот лет в цифровом выражении.

– Я затрудняюсь...

– Ну продифференцируйте в уме. Сумеете?

Гааль был обескуражен. Калькулятор – вот он, под рукой, зачем же в уме! Лоб его покрылся испариной...

– Что-то около восьмидесяти пяти процентов? – наконец выдавил он.

– Неплохо, – улыбнулся Селдон. – Но и не хорошо. Истинная цифра составляет девяносто два и пять десятых процента.

– Поэтому вас и зовут Вороном? – осторожно поинтересовался Гааль. – Ничего подобного в научных журналах мне не попадалось!

– Ну естественно. Это неопубликованные материалы. Неужели вы думаете, что Империя согласится таким образом расписаться в собственной обреченности? Но некоторые наши выводы все-таки просочились в аристократические круги.

– Это плохо.

– Почему же? У нас все учтено.

– И поэтому за мной следят?

– Да. Следят за всем, что касается моего проекта.

– Вы в опасности, сэр?

– О да. Вероятность моей казни составляет одну целую и семь десятых процента, но разработке проекта это не мешает. Мы учли и это. Не надо волноваться. Надеюсь, вы навестите меня завтра в Университете?

– Конечно, – твердо ответил Гааль.

Глава 5

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ – кучка аристократов, пришедшая к власти после свержения Клеона I, последнего из династии Энтунов. В целом им удалось навести некоторый порядок после нескольких веков нестабильности и смятения. Возглавляемый представителями таких влиятельных семейств, как Чены и Диварты, Комитет постепенно превратился в слепое орудие...

...Их власть в Империи сохранялась до воцарения последнего сильного Императора – Клеона II. Первый Председатель Комитета...

...В какой-то степени началом падения влияния Комитета можно считать процесс Гэри Селдона, состоявшийся за два года до начала А. Э. Этот процесс подробно описан в биографии Гэри Селдона, составленной Гаалем Дорником...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гааль не успел выполнить своего обещания. Наутро его разбудил настойчивый телефонный звонок. Он снял трубку и услышал вежливый голос дежурного администратора, который сообщил ему, что согласно приказу Комитета Общественного Спасения он арестован.

Гааль вскочил с кровати, бросился к двери – заперта. Оставалось только одеться и ждать.

Дальше все было как в тумане. За ним пришли и куда-то отвели. Вежливо задавали вопросы. Он отвечал, что прибыл из провинции, с Синнакса, окончил такие-то учебные заведения, тогда-то получил степень доктора математики, подал прошение о зачислении в штат сотрудников доктора Селдона и получил согласие. А спрашивавшие все уточняли, почему именно он решил принять участие в работе над проектом Селдона. Как он впервые об этом узнал, каковы должны быть его обязанности, какие секретные инструкции он получал, что вообще он знает о проекте?

Он отвечал, что не знает ничего, что никаких секретных инструкций не получал, что он ученый, математик и его не интересует политика.

В конце концов цивилизованный инквизитор задал ему вопрос:

– Когда начнется упадок Трентора?

– Лично я об этом ничего не знаю... – замялся Гааль.

– Может быть, кто-нибудь говорил вам об этом?

– Как я могу говорить за кого-то?

Инквизитор настаивал:

– Кто-нибудь говорил вам об упадке Трентора? Кто-нибудь сообщал вам о том, когда это произойдет?

Замешательство Гааля было настолько очевидным, что инквизитор пришел ему на помощь:

– За вами следили, доктор. Наши люди были в космопорту, когда вы прибыли, с вами говорили на Башне, и, конечно же, ваш разговор с доктором Селдоном прослушивался.

Гааль пожал плечами.

– Значит, вам известна его точка зрения.

– Возможно. Но мне хотелось услышать и от вас.

– Он считает, что упадок Трентора наступит через пятьсот лет.

– Он математически доказывает это?

– Да, доказывает, – с вызовом ответил Гааль.

– И вы считаете, что это можно доказать математическими методами?

– Можно – если это делает доктор Селдон.

– Ну что ж, тогда начнем сначала...

– Постойте, – взмолился Гааль. – Я имею право пригласить адвоката. Как гражданин Империи...

– У вас будет такая возможность.

...И возможность была предоставлена.

В комнату вошел высокий худой мужчина. Его лицо, казалось, нарисовано вертикальными линиями. Такое узкое, что непонятно, поместится ли на нем улыбка...

Гааль поднял на вошедшего измученные глаза. Встать он был просто не в силах. Столько всего сразу – а ведь он находился на Тренторе не более тридцати часов...

Мужчина представился:

– Меня зовут Лорс Аваким. Доктор Селдон прислал меня для защиты ваших интересов.

– Так помогите же мне! Я должен немедленно отправить жалобу Императору. Я задержан без всяких на то оснований. Я ни в чем не виноват. Ни в чем!

Аваким тем временем пристраивал на столе небольшой магнитофон. Закончив приготовления, он взглянул на Гааля.

– За нашей встречей, безусловно, наблюдают с помощью лучей-шпионов. Это противозаконно, но они ни перед чем не остановятся.

Гааль обреченно вздохнул.

Аваким устроился в кресле поудобнее.

– Ну а мы попробуем их перехитрить. Дело в том, что этот магнитофон – с виду самый обычный – полностью экранирован от лучей-шпионов. По крайней мере, они не сразу это обнаружат.

– Значит, я могу говорить?

– Ну конечно.

– Я хочу, чтобы меня выслушал Император! – с удвоенным пылом воскликнул Гааль.

Аваким холодно улыбнулся. Оказалось, что улыбка все-таки умещается на его вертикальной физиономии.

- Вы - из провинции.

- Ну и что? У меня те же права, что у любого гражданина Империи! Как у вас, как у членов Комитета Общественного Спасения!

- Конечно, конечно. Я не к тому. Но вы - провинциал и недостаточно четко представляете себе нынешнюю обстановку на Тренторе. Император не дает аудиенций.

- А кому же тогда я могу пожаловаться на действия этого Комитета? Какова процедура апелляции?

- Нет никакой процедуры. Практически - никакой. Теоретически - вы можете обратиться к Императору, но аудиенции не получите. Нынешний Император, если вы знаете, не из династии Энтунов. Трентор сейчас находится в руках аристократических семейств, представители которых составляют Комитет Общественного Спасения. Этот этап в развитии Империи давно предсказан методами психоистории.

- Правда? - искренне удивился Гааль. - Ну, если доктор Селдон может предсказать судьбу Трентора на пятьсот лет вперед...

- Он может предсказать и на пятнадцать тысяч лет вперед.

- Хорошо! - Гааль вскочил и заходил по комнате, размахивая руками. - Пусть хоть на двадцать тысяч! Почему же тогда он не мог предвидеть вчера, что произойдет наутро, не предупредил меня? Ах нет, простите, что я говорю...

Он сел, обхватив голову руками.

- Я понимаю, что психоистория - статистическая наука, что с ее помощью нельзя предвидеть будущее отдельного человека. Но поймите, я в ужасе...

- Вы не правы, Гааль. Доктор Селдон отлично знал, что утром вас арестуют.

- То есть - как?

- Не огорчайтесь, но это так. Комитет в последнее время просто наступал нам на пятки. За всеми новыми сотрудниками устанавливалась слежка. И наши графические модели показали, что для успеха дела было бы лучше, если бы кризис наступил именно сейчас. Чтобы ускорить события и спровоцировать Комитет на активные действия, доктор Селдон и посетил вас вчера.

Гааль тяжело дышал.

- Я возмущен! Я протестую!

- Прошу вас, успокойтесь. Это было необходимо. Никаких личных мотивов здесь нет. Вы должны понять, что планы доктора Селдона, опирающиеся на фундаментальные математические исследования, учитывают разнообразные случайности с высокой степенью достоверности. Сейчас - именно такая случайность. Я послан к вам с единственной целью - убедить вас, что бояться вам нечего. Все окончится благополучно, в том числе и с проектом.

- Ну и как это выглядит в вашем любимом процентном отношении? - с горьким сарказмом поинтересовался Гааль.

- Что касается проекта - девяносто девять целых и пять десятых процента.

- А что касается меня?

- Мне сказано, что ваши шансы на благоприятный исход дела составляют семьдесят семь целых и два десятых процента.

- Так. Значит - один против пяти в том смысле, что меня казнят или посадят в тюрьму?

- Вероятность казни - не более одного процента.

– Что вы говорите?.. Только не надо меня утешать. Я отлично понимаю, что все расчеты вероятности в отношении отдельного человека всегда приблизительны! А... вы не могли бы передать доктору Селдону, чтобы он навестил меня?

– Увы, – грустно развел руками Аваким, – это невозможно. Доктор Селдон сам под арестом.

Гааль не успел закрыть рот, как дверь распахнулась, вошел охранник, подошел к столу, взял магнитофон, повертел его в руках и сунул в карман.

Аваким вяло запротестовал:

– Но... он мне еще потребуется!

– Вам будет передан другой, точно такой же, уважаемый адвокат. Только без защитного поля, – холодно заметил охранник.

– В таком случае – моя беседа с подследственным закончена.

Гааль проводил Авакима полным отчаяния взглядом. Дверь закрылась. Он остался один.

Глава 6

Процесс (по крайней мере, Гааль думал, что идет процесс, хотя происходившее мало походило на то, как он представлял себе судебное разбирательство) шел всего третий день, но Гааль уже с трудом мог вспомнить в подробностях его начало.

Лично его не слишком беспокоили вопросами. Вся тяжелая артиллерия была направлена на Селдона, который, однако, сохранял олимпийское спокойствие. Прессу и простых смертных в зал не пустили, и, видимо, кроме присутствовавших, мало кто и догадывался, что в эти дни судят Гэри Селдона.

Обстановка была крайне недружелюбная.

Пятеро представителей Комитета Общественного Спасения восседали на возвышении за длинным столом. На них были алые с золотом мантии и плотно облегавшие головы блестящие шапочки – символы правосудия. В центре сидел Председатель Комитета Линь Чен. Гааль до сегодняшнего дня ни разу не видел столь знатного аристократа и восхищенно разглядывал его. За все дни процесса Чен не вымолвил ни слова. Видимо, его речь была впереди.

Судья просмотрел бумаги и продолжил допрос. Вопросы по-прежнему задавались только Селдону.

Вопрос: Итак, доктор Селдон. Сколько человек занято в вашем проекте?

Ответ: Пятьдесят математиков.

В.: Включая доктора Гааля Дорника?

О.: Доктор Дорник – пятьдесят первый.

В.: Следовательно – пятьдесят один человек? Подумайте хорошенько, доктор Селдон. Может быть, насчитаете пятьдесят два или пятьдесят три, а может – и больше?

О.: Доктор Дорник еще не приступал к работе. Вместе с ним число сотрудников составляет пятьдесят один. А пока, как я уже сказал, – пятьдесят.

В.: И никак не сто тысяч?

О.: Математиков? Нет.

В.: Я не спрашивал, сколько у вас математиков. Всего сотрудников у вас сто тысяч?

О.: Если считать всех, то вы близки к истине.

В.: Близок? Цифра точная! Я утверждаю, что в разработке вашего проекта занято девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два человека.

О.: По-видимому, вы учли даже жен и детей.

В. (раздраженно): Я утверждаю, что сотрудников девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два. Отрицать бесполезно.

О.: Я согласен с приведенной вами цифрой.

В. (заглянув в бумагу): В таком случае оставим на время этот вопрос и перейдем к другому. Не будете ли вы, доктор Селдон, так добры и не повторите ли еще раз ваши соображения относительно будущего Трентора?

О.: Я уже отвечал, но могу повторить еще раз: через пять веков Трентор будет лежать в руинах.

В.: Вы не находите, что ваше высказывание противозаконно?

О.: Нет, сэр. Научная истина не имеет ничего общего с такими понятиями, как законность и противозаконность.

В.: Вы уверены в том, что ваше утверждение является научной истиной?

О.: Да.

В.: На каком основании?

О.: На основании результатов математических и психоисторических исследований.

В.: Можете ли вы доказать, что ваши математические расчеты верны?

О.: Другому математику? Конечно.

В. (улыбнувшись): Вы хотите сказать, что открытая вами истина настолько эзотерична, что простому человеку ее не понять? А вот мне почему-то всегда казалось, что истина должна быть доступна для всех.

О.: А она доступна. Для многих. К примеру – физика переноса энергии, известная нам под названием термодинамики, была ясна и истинна на протяжении всей истории человечества. Однако до сих пор найдутся люди, которые сочтут, что построить обычный генератор невозможно. Причем среди них могут быть и высокообразованные люди. Сомневаюсь, что уважаемые члены Комитета...

(Тут один из «уважаемых членов Комитета» наклонился к судье и что-то прошептал ему на ухо. Судья покраснел и прервал Селдона.)

В.: Мы здесь не для того, чтобы выслушивать лекции, доктор Селдон! Допустим, вы ответили на мой вопрос. А теперь позволю себе высказать предположение. Не могут ли ваши предсказания упадка Трентора быть направлены на подрыв доверия населения к правительству Империи, причем в ваших интересах?

О.: Это не так.

В.: Не содержится ли в ваших предсказаниях упоминание о том, что период времени, предшествующий так называемому распаду Трентора, будет характеризоваться различными беспорядками?

О.: Вы правы.

В. (удовлетворенно): Отсюда легко предположить, что вы надеетесь спровоцировать эти беспорядки и на вашей стороне будет армия в сто тысяч человек.

О.: Во-первых, это неправда. И даже если бы это было так, вам было бы легко убедиться, что среди исследователей с трудом наберется десять тысяч мужчин призывного возраста, причем ни один из них в жизни не держал в руках оружия.

В.: А не действуете ли вы как агент какой-либо другой организации?

О.: Нет, я ни на кого не работаю, господин судья.

В.: Вы – бессребреник, слуга науки?

О.: Да.

В.: Тогда следующий вопрос. Можно ли изменить будущее, доктор Селдон?

О.: Конечно. Например, этот зал может через пару мгновений взлететь на воздух. Если бы это произошло, будущее в какой-то степени изменилось бы.

В.: Не иронизируйте, доктор Селдон. Я вас спрашиваю, может ли измениться будущее всего человечества.

О.: Да.

В.: Это легко сделать?

О.: Нет. Очень трудно.

В.: Почему?

О.: Дело в том, что психоисторическая направленность населения даже одной планеты имеет колоссальный запас инерции. Для того чтобы направленность изменилась, она должна столкнуться с чем-то, имеющим сходный запас инерции. С такой же массой людей, например. А если их мало, должен пройти солидный промежуток времени. Понимаете?

В.: Думаю, что да. Трентор не обязательно должен быть разрушен, если большие массы людей будут этому противостоять.

О.: Вы правильно поняли.

В.: Ста тысяч человек хватит?

О.: Нет, сэр. Этого будет мало.

В.: Вы уверены?

О.: Прошу вас учесть, что население Трентора составляет около сорока миллиардов. Что тенденция к распаду охватывает не только Трентор, но и всю Империю, а в Империи проживает почти квинтиллион человек.

В.: Ясно. Тогда, может быть, сто тысяч ваших сотрудников смогут хоть как-то противостоять разрушению, если и они, и их потомки будут работать над этой проблемой в течение пятисот лет?

О.: Боюсь, что нет. Пятьсот лет – это слишком мало.

В. (улыбаясь): Ну-ну... Итак, доктор Селдон, из всех ваших заявлений можно логически вывести следующее: вы собрали сто тысяч человек для работы над вашим проектом. Однако этого недостаточно для того, чтобы изменить ход истории Трентора на протяжении пятисот лет. Другими словами, они не могут предотвратить упадка, как бы упорно ни трудились.

О.: К сожалению, вы правы.

В. (торжественно): В таком случае, доктор Селдон... Обдумайте ответ. Какова цель работы ста тысяч ваших сотрудников?

Голос судьи сделался резко-скрипучим. Казалось – до сих пор он темнил, а теперь вышел из укрытия и был уверен, что загнал своими вопросами Селдона в угол.

По залу пробежал шепоток. Даже члены Комитета начали переговариваться. Только Председатель оставался все таким же невозмутимым и мрачным.

Гэри Селдон молчал. Он ждал, пока установится тишина.

О.: Свести к минимуму последствия упадка.

В.: Точнее. Что вы имеете в виду?

О.: Объяснить просто. Будущее разрушение Трентора – не изолированный процесс, отдельный от всей истории человечества. Оно станет кульминацией

сложной драматической коллизии, возникшей несколько столетий назад, развитие которой все ускоряется. Я имею в виду, господ, полный упадок и распад Галактической Империи.

Шепот в зале перерос в возмущенный гул.

– Значит, вы открыто заявляете, что... – воскликнул судья.

Но его слова потонули в общем крике: «Измена!»

Председатель поднял молоток и ударил в гонг. В аудитории постепенно восстановилась тишина. Судья глубоко вздохнул и продолжил допрос.

В. (театрально-торжественно): Осознаете ли вы, доктор Селдон, что говорите об Империи, история которой насчитывает двенадцать тысячелетий, за плечами которой превратности судьбы многих и многих поколений...

О.: Осознаю. Мне известно как теперешнее состояние Империи, так и ее прошлое. Не желая оскорбить кого-либо из присутствующих, скажу, что мне все это известно лучше, чем многим другим.

В.: И вы предсказываете разрушение всей Империи?

О.: Мое предсказание основано на математических расчетах. Здесь нет никаких личных суждений. Я и сам не рад, что все так складывается. Даже если предположить, что Империя плоха на сегодняшний день, состояние анархии, которое неизбежно наступит в ней после распада, будет во много раз хуже. Именно с угрозой анархии и призван бороться мой проект. Падение Империи, господ, – катастрофа, и противостоять ей чрезвычайно трудно. Империей правит бюрократия, власть которой все более усиливается. Всякая инициатива снизу пресекается, воздвигаются кастовые барьеры, задышается научный поиск, и прочее, и прочее. Все это продолжается уже много веков. Повторяю, это слишком непостижимый и грандиозный процесс для того, чтобы его остановить.

В.: Но разве не известно всем и каждому, что именно сейчас Империя сильна как никогда?!

О.: Впечатление обманчиво. Господин судья, гнилое дерево кажется нам сильным и здоровым, пока молния не расколется его пополам. Порывы грозового ветра в ветвях дерева Империи уже слышны. Прислушайтесь – и вы услышите, как оно потрескивает.

В. (не слишком уверенно): Мы здесь не для того, мистер Селдон, чтобы выслушивать ваши...

О. (решительно): Империя исчезнет, и все блага, что были созданы за время ее существования, исчезнут вместе с ней: знания, установленный порядок вещей... Начнутся бесконечные межзвездные войны, заглохнет межпланетная торговля, уменьшится число людей, отдаленные миры утратят связи с центром Галактики. И ничего с этим нельзя будет поделать.

В. (тихо, почти шепотом): Никогда?

О.: Психоистория, способная предсказать упадок, не умалчивает и о последующих мрачных временах. Империя, господа, как уже говорилось, продержится двенадцать тысяч лет. А период мрака и хаоса продлится не двенадцать, а тридцать тысячелетий. Потом появится Вторая Империя, но в промежутке между нашей цивилизацией и ее возникновением тысячи поколений проживут в хаосе. Вот с чем мы призваны бороться.

В. (оправившись от потрясения): Но вы сами себе противоречите! Ранее вы сказали, что не можете препятствовать разрушению Трентора, то есть, по-видимому, и распаду – так называемому распаду Империи тоже...

О.: А я и не утверждаю, что мы способны противостоять упадку. Но пока еще не поздно попытаться повлиять на продолжительность мрака и хаоса. Есть возможность, господа, свести ее к одному тысячелетию взамен тридцати, если у моей группы будут условия для работы. Мы живем в очень нестабильное время. Огромную разрушительную массу событий нужно скорректировать немного – совсем немного, но и этого окажется достаточно, чтобы вычеркнуть двадцать девять жутких тысячелетий из истории человечества.

В.: И как вы предполагаете это осуществить?

О.: Путем спасения интеллекта. Знания не могут принадлежать отдельному человеку, даже тысячам людей. Когда рухнет социальный институт Империи, знания разлетятся на миллионы осколков. Отдельные специалисты будут знать многое о немногом. Сами по себе они станут беспомощными, и знания исчезнут за одно поколение. Но если сейчас мы создадим банк данных всей суммы знаний человечества, они не будут утрачены никогда. Потомки будут строить свою деятельность на готовом фундаменте, им не придется каждый раз открывать все заново. Одно тысячелетие вместо тридцати.

В.: Все это очень...

О.: Тридцать тысяч моих сотрудников с женами и детьми работают над подготовкой «Галактической Энциклопедии». За свою жизнь им этой работы не закончить. Я сам не доживу до выхода первого тома. Но к тому времени, когда Трентор будет разрушен, работа будет завершена и тома Энциклопедии будут в каждой крупной библиотеке по всей Галактике.

Молоток председателя поднялся и опустился. Гэри Селдон сел на скамью подсудимых рядом с Гаалем, улыбнулся и шепнул:

– Ну, как вам этот спектакль?

– Похоже, вы выиграли. Что же будет теперь?

– Прекратят процесс и постараются заключить со мной частное соглашение.

– Откуда вы знаете?

– Если честно – не знаю. Все зависит от Председателя Комитета. Но его я знаю много лет. Я пытался анализировать его деятельность, хотя психоисторическими методами это делать трудно. Тем не менее есть надежда...

Глава 7

Аваким подошел, кивнул Гаалю, наклонился к Селдону и что-то шепнул ему на ухо. Раздались возмущенные крики, подбежали охранники и отвели Авакима в сторону. Гаалья увели.

На следующий день обстановка в корне переменилась. Селдон и Дорник оказались наедине с пятеркой комитетчиков. Им даже предложили сигары. Селдон закурил, Гааль отказался.

- Наш адвокат отсутствует, - заметил Селдон.

- А сегодня - не судебное заседание, доктор Селдон, - ответил один из членов Комитета. - Мы собрались лишь для того, чтобы обсудить проблемы государственной безопасности.

- А теперь буду говорить я, - мрачно проговорил Линь Чен.

Четверо комитетчиков торжественно выпрямились. Наступила тишина. Гааль затаил дыхание. Линь - худой, поджарый, угрюмый - выглядел старше своих лет. Он был фактическим правителем Галактики, поскольку ребенок, носивший титул Императора, оставался марионеткой, символом. Правил Галактикой Чен.

- Доктор Селдон, - начал он, - вы нарушили спокойное течение имперской истории. Никто из квадриллионов ныне живущих людей не проживет более столетия. Зачем же нам в таком случае отягощать себе жизнь, гадая о том, что будет через пятьсот лет?

- Ну а я протяну не более пяти, - с улыбкой возразил Селдон. - Однако для меня этот вопрос - первостепенный. Можете считать меня идеалистом. Но я думаю так, потому что считаю себя человеком.

- Не имею ни малейшего желания философствовать. Объясните, почему бы мне просто не избавиться от вас, а вместе с вами - от мифического будущего, отстоящего от нашего времени на пять столетий?

- Неделю назад, - мягко сказал Селдон, - у вас была возможность поступить так, и, вероятно, у вас появился бы шанс - один из десяти, - что вы доживете до конца года. Сегодня такая вероятность составляет один из тысячи.

Селдон стряхнул пепел. Комитетчики заерзали в креслах, зашептались. Веки Чена дрогнули.

- О чем это вы?

- Падение Трентора, - ответил Селдон, сделав глубокую затяжку, - нельзя предотвратить никакими волевыми усилиями. А вот ускорить - легко. Молва о судилище надо мной очень быстро разнесется по всей Галактике. Ваш отказ от моих планов предотвратить, смягчить, сократить мучения человечества убедит народы в том, что им не на что надеяться в будущем. Они уже сейчас с тоской вспоминают о том, как жили их предки. Они увидят, что политические революции и промышленные кризисы растут как грибы. В Галактике воцарится ощущение, что только то и ценно, что можно заполучить немедленно. Люди амбициозные ждать не станут, не замедлят и беспринципные. Каждое их деяние будет приближать конец. Казните меня - и крах Трентора наступит не через пятьсот лет и даже не через пятьдесят, а ваш собственный - через год, а то и раньше.

- Этим пугайте младенцев, - буркнул Чен. - Однако ваша казнь - не единственный выход.

Он оторвал свою сухую ладонь от бумаг, на которых она покоилась. Только два пальца остались лежать поверх первого листа.

- Скажите, - спросил он, глядя мимо Селдона, - действительно ли вся деятельность вашей группы заключается, как вы утверждаете, в подготовке Энциклопедии?

- Чистая правда.

- Это обязательно должно происходить на Тренторе?

- Трентор, мой господин, располагает уникальной Имперской Библиотекой и материалами, собранными нами в Университете.

- Тем не менее. Если бы вы работали в любом другом месте, скажем, на планете, где бы вас не отвлекала суета метрополии, где бы ваши сотрудники могли

целиком и полностью отдаться работе, – разве это не лучше?

– Не исключено.

– Прекрасно. Тогда позвольте сообщить вам, что такое место найдено. Трудитесь там спокойно, доктор, вместе со своими коллегами. Галактике будет известно, что вы упорно работаете и боретесь с упадком.

Чен улыбнулся:

– А поскольку сам я не верю во многое из того, в чем должен убеждать других, мне не составит особого труда внушить всей Галактике мысль о возможности упадка, в который сам не верю ни на йоту. А вы, доктор, перестанете досаждать Трентору и Империи. Альтернатива – ваша казнь. И не только ваша. Угрозы меня не пугают. Итак, у вас есть возможность в течение пяти минут выбрать между ссылкой и казнью.

– А какая планета избрана, мой господин? – осведомился Селдон.

– Если не ошибаюсь, она называется Терминус. – Чен перелистал страницы, выбрал одну и повернул ее к Селдону. – Она необитаема, но пригодна для жизни. Правда, она несколько удалена...

– Она на краю Галактики! – прервал его Селдон.

– Я и говорю – несколько удалена. Вам это поможет полностью сконцентрироваться на работе. У вас осталось две минуты.

– Но нам потребуется время для организации переезда. Нам придется вывезти двадцать тысяч семей.

– Время у вас будет.

Селдон думал. Последняя минута шла на убыль. Наконец он решил:

– Я выбираю ссылку.

При этих словах замершее сердце Гааля вновь забилося. Он ощутил естественную радость человека, избежавшего смерти. Однако к этому чувству примешивалась доля огорчения – Селдон проиграл...

Глава 8

Такси несло по темным туннелям к Университету. Всю дорогу они молчали. Наконец Гааль спросил:

– То, что вы сказали Председателю Комитета, – правда? Действительно ли ваша казнь ускорила бы упадок?

– Я никогда не шучу с выводами психоисторических исследований, – улыбнулся Селдон. – В данном случае тоже. И Чен знает, что я прав. Он – тонкий и умный политик, а политики по роду своей деятельности инстинктивно чувствуют верность психоисторических выводов.

– Значит, им было нужно, чтобы вы выбрали ссылку?! – воскликнул Гааль. Селдон промолчал.

Когда такси опустилось на площадь перед Университетом, Гааля вдруг охватила страшная слабость. Селдон помог ему выбраться из такси и повел под руку.

Здание Университета сверкало так, что Гааль на мгновение забыл, что существует солнце. А ведь Университет стоял не под открытым небом. Его строения были покрыты огромным куполом из какого-то прозрачного материала. Материал был, видимо, поляризован, поэтому его блеск не слепил глаза.

Университетский комплекс выгодно отличался от остальных серо-стальных зданий Трентора. Цвет его построек был скорее серебристым. Металл отливал мягким сиянием слоновой кости.

Селдон шепнул:

– Похоже, солдаты.

- Что?

Взгляд Гааля опустился с небес на землю, и он увидел патруль.

Капитан обратился к ним низким, хорошо поставленным голосом военного:

- Доктор Селдон?

- Да.

- Мы ждали вас. Вы и ваши сотрудники с этого момента – на военном положении. Я уполномочен проинформировать вас о том, что на приготовления к отлету на Терминус вам дается полгода.

- Всего полгода! – воскликнул Гааль, но пальцы Селдона мягко сжали его локоть.

- Таковы инструкции, – подвел черту капитан.

Он удалился во главе патруля, а Гааль повернулся к Селдону:

- Но как? Что можно успеть за шесть месяцев? Это же медленная казнь!

- Спокойно, спокойно. Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет был небольшой, но надежно защищенный от шпионажа. Лучи-шпионы, натывавшиеся на его стены, не встречали ни подозрительной тишины, ни тем более подозрительного отсутствия движения. Наоборот, они улавливали беседу, состоящую из совершенно невинных фраз, произносившихся разными голосами.

- Ну, – вздохнул облегченно Селдон, – все хорошо. Шести месяцев нам хватит за глаза.

- Непонятно как!

– Мальчик мой, при таком плане, как у нас, даже Комитет, сам того не зная, нам помогает. Я ведь уже говорил вам, что стереотип поведения Чена мы изучили досконально. Процесс не начался бы до тех пор, пока в нашу пользу не сработали бы обстоятельства и время!

– Но как вы могли хотеть...

– Ссылку на Терминус? А почему бы и нет?

Селдон надавил пальцами на крышку стола, и часть стены у него за спиной отъехала в сторону.

– Там – видеотека. Возьмите ящичек на букву Т.

Гааль достал ящичек, подал его Селдону, тот вынул кассету и вставил ее в миниатюрный проектор. Перед глазами Гааля замелькали кадры фильма.

– Как же это... – пробормотал он.

– Что вас так удивляет?

– Вы... два года готовились к перелету?

– Точнее – два с половиной. Мы, конечно, не были уверены, что Чен выберет именно Терминус, но надеялись, что будет именно так.

– Но почему, доктор Селдон? Зачем вам ссылка? Разве не легче было бы остаться здесь, на Тренторе?

– Ну, есть целый ряд причин. Работая на Терминусе, мы заручаемся поддержкой Империи, которая больше не считает, что мы угрожаем ее безопасности.

– Но ведь вы сами вызвали эти опасения, для того чтобы отправиться в ссылку. Нет, не понимаю.

– Но согласитесь, двадцать тысяч семей по своей воле на край Галактики не полетят?

– Разве у вас есть право их вынуждать? Или я не должен этого знать?

– Пока – нет, – спокойно отозвался Селдон. – Пока достаточно того, что вы знаете: на Терминусе будет основано научное убежище. А на другом краю Галактики – еще одно, такое же.

Он улыбнулся:

– Что же до остального, то могу сообщить вам, что сам я скоро отправлюсь в мир иной, и вы увидите и узнаете больше, чем я. Ну-ну, не надо так переживать. Доктора говорят, что я протяну еще год, максимум – два. Так или иначе – я успел завершить то, к чему стремился.

– А... после вашей смерти, сэр?

– Ну, у меня будут последователи – возможно, даже вы. Именно им будет суждено поставить последнюю точку в разработанной схеме и спровоцировать Анакреонский бунт в нужное время и именно так, как надо. После этого все пойдет своим чередом.

– Не понимаю...

– Поймете.

Селдон устало сгорбился.

– Большинство улетит на Терминус, – промолвил он вполголоса. – Но кое-кто останется. Это будет легко устроить. Но что касается меня, – закончил он шепотом, так что Гааль едва расслышал последние слова, – то мне... конец.

Часть II

Глава 1

ТЕРМИНУС – ...отдаленное расположение планеты может вызвать законное удивление, если учесть роль, отведенную ей в истории Галактики. Однако в этом, как отмечают многочисленные авторы, была историческая неизбежность. Находящаяся на самом краю галактической спирали, планета Терминус – единственный спутник небольшой звезды, бедная полезными ископаемыми, не представлявшая никакой ценности с экономической точки зрения, была необитаема с момента ее открытия до высадки энциклопедистов...

...Когда выросло новое поколение – потомки первых переселенцев с Трентора, Терминус приобрел значение гораздо большее, чем убежище психоисториков. С начала Анакреонского бунта и прихода к власти Сальвора Гардина...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Время было позднее, но Льюис Пирен продолжал работать, склонившись над кипой бумаг при свете настольной лампы.

...Прошло пятьдесят лет после высадки на Терминус и создания поселения энциклопедистов – первой Академии. За это время был собран колоссальный подготовительный материал, и через пять лет должен был увидеть свет первый том Энциклопедии – самого внушительного издания в Галактике. А потом – каждые десять лет – том за томом, как часы...

Пирен раздраженно покосился на дверь – звонили. Он забыл о назначенной встрече, с головой уйдя в работу. Пирен нажал кнопку на краю стола, дверь открылась, и в кабинет вошел высокий грузный мужчина – Сальвор Гардин.

Пирен, не отрываясь, продолжал просматривать бумаги. Гардин мысленно улыбнулся. Он спешил, но прекрасно знал, как «гостеприимен» Пирен, когда ему мешают работать. Поэтому он молча уселся в мягкое кресло по другую сторону письменного стола и стал ждать.

Тишину нарушало только поскрипывание авторучки Пирена. Гардин от нечего делать вынул из кармана серебристую монетку, подбросил ее, поймал и снова подбросил. На Терминусе, куда все металлы поступали только по импорту, нержавеющая сталь была единственным средством бартера...

Пирен поднял глаза и часто заморгал.

- Прекратите! - раздраженно выговорил он.

- А?

- Прекратите кидать вашу чертову монету!

- А-а-а...

Гардин убрал монетку в карман.

- Сообщите, когда освободитесь, ладно? Я обещал вернуться на заседание городского Совета к началу голосования по проекту нового водопровода.

Пирен вздохнул и встал из-за стола.

- Валяйте. Очень надеюсь, что вы не станете надоедать мне с городскими делами. Займитесь ими сами, пожалуйста. Все мое время занято Энциклопедией.

- Вы новости слышали?

- Какие именно?

- Самые свежие. Поймали на ультраволнах два часа назад. Правитель Анакреона принял титул короля.

- Ну и что?

– Это означает, что мы отрезаны от центра Империи. Мы ожидали, что это может случиться, но от этого, как говорится, не легче. Анакреон встал на пути нашего последнего оставшегося торгового пути к Сантании, Трентору, Веге. Откуда мы теперь будем получать металлы? Уже полгода нет поступлений стали и алюминия, а теперь и ждать неоткуда, если только не воззвать к милости Его Величества – короля Анакреона.

Пирен нетерпеливо оборвал Гардина:

– В таком случае заключите с ним договор на поставку.

– Каким образом? Послушайте, Пирен: в соответствии с Хартией, подписанной при основании Академии, вся административная власть принадлежит Попечительскому Совету Комиссии по изданию Энциклопедии. У меня как у мэра города Терминуса власти хватит только на то, чтобы самостоятельно высморкаться, не спрашивая ни у кого разрешения, да на то, чтобы чихнуть, если вы соизволите подписать соответствующий приказ. Заключение торговых сделок – прерогатива ваша и вашего Совета. Я обращаюсь к вам от имени города, благосостояние которого зависит от устойчивой торговли с Галактикой. Сзовите срочное заседание!

– Хватит! Не надо меня агитировать! Вы забываете, Гардин, что Попечительский Совет не был против установления муниципального правления на Терминусе. Мы считаем это необходимым, поскольку за пятьдесят лет со дня основания Академии население планеты выросло и большинство не занято непосредственной работой над Энциклопедией. Но это вовсе не означает, что первоочередной задачей Академии перестает быть ее создание. Мы – государственное научное учреждение, Гардин! Мы не можем, не должны и не будем вмешиваться в местную политику.

– В местную политику? Да это вопрос жизни и смерти! Наша планета просто погибнет без металлов! И потом – что станет с вашей Энциклопедией, если анакреонский царек вздумает напасть на нас?

– Вы забываете, что мы находимся под защитой самого Императора! Мы не являемся частью префектуры Анакреон, так же как и частью любой другой префектуры. Никто не посмеет нас пальцем тронуть. Империя нас не оставит!

– А почему же тогда Империя не помешала захвату власти королем Анакреона? Да разве только Анакреона! Как минимум двадцать отдаленных от центра префектур, то есть практически вся Периферия Галактики, теперь независимы от Империи. И я абсолютно не уверен, что Империя бросится на нашу защиту!

– Ерунда! Экзархи, тетрархи, короли – какая разница! Как будто раньше не было переворотов! К Империи это не имеет отношения. Хватит об этом, Гардин. Это не наша забота. Мы прежде всего ученые. Наше дело – Энциклопедия. Да, кстати, пока не забыл...

– Да?

– Вы собираетесь разбираться со своей газетенкой?

– Вы имеете в виду еженедельник «Городские Новости»? Он не мой, как вы изволили выразиться. Это частное издание. А что вас не устраивает?

– Уже несколько недель там публикуются призывы к шумному празднованию пятидесятилетия основания Академии.

– А почему бы и нет? Через три месяца сработает механизм радиевых часов и откроется Склеп Селдона. По-моему, это грандиозное событие. А вы так не считаете?

– В любом случае это не повод для идиотских спектаклей. Открытие Склепа – дело исключительно Совета Попечителей. То, что нужно будет сообщить народу, будет сообщено. Это не подлежит обсуждению. Будьте так добры, изложите это в «Новостях».

– Сожалею, Пирен, но Городская Хартия гарантирует-таки нам такую малость, как свобода печати.

– Хартия – да, но не Совет Попечителей! Я – представитель Императора на Терминусе, Гардин, и обладаю всеми полномочиями...

Было похоже, что Гардин про себя считает до десяти. Наконец он печально проговорил:

– Вот как раз потому, что вы являетесь представителем Императора на Терминусе, у меня есть для вас еще одна новость.

– Опять про Анакреон?

– Да. Через две недели нас посетит чрезвычайный посол Анакреона.

– ???

Пирен сглотнул слюну.

– Это... зачем еще?

Гардин встал и придвинул кресло к столу.

– А вот догадайтесь!

И ушел не простившись.

Глава 2

Ансельм, лорд Родрик, в жилах которого, судя по титулу, текла голубая кровь, вице-префект Плуэмы и чрезвычайный посол Его Величества Короля Анакреона, носитель еще двенадцати различных титулов, был встречен Сальвором Гардином в космопорту с подобающим случаю ритуалом.

С легким поклоном и натянутой улыбкой вице-префект вынул из кобуры свой бластер и вручил его Гардину. Гардин церемонно передал ему свой, специально для этого захваченный. Тем самым были продемонстрированы добрые намерения. И хотя правое плечо лорда Родрика как-то странно и подозрительно приподнималось, Гардин сделал вид, что ничего не заметил.

Машина в сопровождении эскорта других автомобилей медленно и торжественно тронулась к площади Энциклопедии. По пути посла Анакреона

радостно приветствовали жители Терминуса.

Вице-префект отвечал на приветствия сдержанным помахиванием руки – как истинный воин и аристократ.

– Этот город – и есть весь ваш мир? – спросил он Гардина.

– Наш мир молод, Ваше Превосходительство. За нашу короткую историю нас впервые посещает столь высокий гость. Отсюда и энтузиазм жителей! – прямо в ухо прокричал Гардин.

«Высокий гость», не уловив иронии, задумчиво проговорил:

– Поселение основано пятьдесят лет назад... Гмм-м... В таком случае у вас должно быть полно неразрабатываемой земли. Вы не собираетесь ее раздать под поместья?

– Пока в этом нет необходимости. Мы проживаем очень компактно. Нам нужно близкое взаимодействие. Это связано с работой над Энциклопедией. Возможно, когда-нибудь население станет больше...

– Странный мир! У вас что, нет крестьян?

– Нет, – ответил Гардин непринужденно. – И аристократов тоже нет.

Брови лорда Родрика поползли вверх.

– А... ваш правитель? Тот, с кем я должен встретиться?

– Доктор Пирен? Он Председатель Совета Попечителей и личный представитель Императора.

– Доктор? И больше – никаких титулов? Ученый? И его пост выше, чем ваш?

– Ну конечно, – дружелюбно ответил Гардин. – Да мы здесь все более или менее ученые. Ведь мы не просто – страна, мы – научное учреждение в личном ведении

Императора.

Последние слова он произнес несколько подчеркнуто. Видно было, что вице-префекту они явно не по душе. Всю остальную дорогу он молчал.

Гардин жутко устал за вторую половину дня, особенно – за вечер, но его, по крайней мере, утешало то, что Пирен и лорд Родрик совсем неплохо поладили между собой.

Лорд Родрик тупо посматривал по сторонам, когда Пирен таскал его на «обзорную экскурсию» по Дворцу Энциклопедии. С любезной, но дежурной улыбкой он слушал торопливые объяснения Пирена, пока тот водил его по громадным хранилищам микрофильмов и бесконечным кинозалам.

В конце концов он начал зевать и глубокомысленно изрек:

– Все это очень интересно. Но... очень странное занятие для взрослых людей. Какая в этом польза?

Пирен от удивления только рот раскрыл...

За обедом же лорд Родрик монополизировал беседу, с мельчайшими подробностями и оживленнейшей жестикуляцией описывая свои боевые подвиги во время недавней войны между Анакреоном и соседним новоиспеченным королевством – Смирной.

Рассказ затягивался... Прием подходил к концу, а лорд Родрик, подогретый вином, все говорил и говорил... Мало-помалу присутствовавшие на обеде официальные лица разошлись. Последний, самый сногшибательный рассказ – о разбитых всмятку смирнианских звездолетах – лорд Родрик закончил, выходя в сопровождении Гардина и Пирена на балкон под солнечные вечерние лучи.

– Ну а теперь, – сказал он с напускной непринужденностью, – давайте перейдем к более серьезным делам.

– Пора бы, – буркнул себе под нос Гардин, закуривая длинную веганскую сигару и с грустью отмечая, как мало их осталось.

– Ну конечно, – сказал вице-префект, устраиваясь в кресле, – все формальные переговоры, подписание документов и прочую нудятину мы оставим на завтра, когда ваш... Как вы называете ваше правительство?

– Совет Попечителей, – холодно отозвался Пирен.

– Странное название... Ну ладно, все равно – на завтра. А пока переговорим лично.

– Это означает... – проговорил Гардин, выпуская колечко дыма.

– Это означает вот что. Ситуация здесь, на Периферии, мягко говоря, несколько изменилась, и статус вашей планеты вызывает некоторые сомнения. Было бы неплохо, если бы мы достигли взаимопонимания в этом вопросе. Кстати, мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Гардин протянул ему коробку.

Лорд Родрик повертел сигару и восхищенно пощелкал языком.

– Веганский табак! Откуда?

– Из последней партии. Уже почти не осталось. Кто знает, когда еще придут. И придут ли вообще.

Пирен нахмурился. Он не курил и не любил, когда курили при нем.

– Позвольте поинтересоваться, Ваше Превосходительство. Ваша миссия заключается только в ознакомлении с Терминусом?

Сделав несколько глубоких затяжек, лорд Родрик кивнул.

– В таком случае ваш визит не займет много времени. Статус Терминуса и первой Академии такой же, как он был всегда.

– Да? А каким он был всегда?

– А вот каким: мы являемся государственным научным учреждением в личном ведении Его Августейшего Величества Императора.

Похоже было, что это заявление Пирена на вице-префекта особого впечатления не произвело. Он продолжал пускать дымные кольца.

– Очень мило, доктор Пирен. Догадываюсь, что у вас имеются на то соответствующие бумаги с императорской печатью. Но какова реальная ситуация? Как, например, насчет Смирны? Ее столица всего в пятидесяти парсеках от вас, а то и меньше. Как насчет Конома и Дарибо?

Пирен сердито ответил:

– Нам нет никакого дела до других префектур. Как учреждение, находящееся в личном ведении...

– Это не префектуры, – заметил лорд Родрик. – Это теперь королевства.

– Ну хорошо, пускай королевства. Все равно нам до них дела нет. Как научное учреждение...

– К дьяволу вашу науку! – по-солдафонски рявкнул лорд Родрик. – К чему она вам, когда Смирна в любой момент может захватить Терминус?

– А вы думаете, что в такой ситуации Император будет сидеть сложа руки?

Лорд Родрик немного поостыл.

– Ладно, ладно, доктор Пирен... Вы почитаете Императора, его собственность, его владения. Анакреон тоже. А вот Смирна запросто может пренебречь! Кстати, мы только что подписали соглашение с Императором, и завтра я буду иметь честь представить вашему Совету его копию. В нем, кстати, содержится пункт о

том, что на нас возлагается ответственность за сохранение целостности границ древней префектуры Анакреон с санкции Императора. По-моему, все ясно.

– Ясно. Но Терминус не является частью префектуры Анакреон!

– А Смирна...

– И частью префектуры Смирна тоже не является! Терминус – сам по себе.

– А в Смирне знают об этом?

– Мне безразлично, знают ли там!

– А нам нет! Мы решили прекратить войну, но они, черт бы их побрал, до сих пор удерживают две звездные системы, исконно принадлежащие Анакреону. Ваш Терминус представляет собой важную стратегическую точку между двумя королевствами.

Гардину надоела перепалка, и он вмешался в разговор:

– Какие у вас предложения, Ваше Превосходительство?

Видимо, к этому моменту вице-префект исчерпал запас красноречия и был рад перейти к более конструктивной беседе. Он с готовностью откликнулся:

– Мы считаем совершенно очевидным, что Терминус сам себя защитить не в состоянии, поэтому – что вполне естественно – его и себя должен защитить Анакреон. А в ваши внутренние дела мы вмешиваться не намерены.

Гардин понимающе кивнул.

– Мы считаем, что вы не меньше нас заинтересованы в размещении на Терминусе военной базы Анакреона.

– И это все, чего вы хотите, – разместить военную базу на незанятом участке земли?

– Ну... в общем... возникает вопрос, как обеспечить контингент базы всем необходимым для жизни.

Гардин, до этого беспечно раскачивающийся в кресле-качалке, остановился и, наклонившись вперед, сжал под подбородком кулаки.

– Вот мы и добрались до самого главного... Давайте назовем вещи своими именами. Терминус должен стать протекторатом и платить дань.

– Почему «дань»? Нормальная оплата. Мы вас защищаем – вы за это платите!

Пирен с размаху стукнул кулаком по ручке кресла.

– Дайте-ка мне сказать, Гардин. Ваше Превосходительство, что касается меня, то все ваши Анакреоны, Смирны, ваши дурацкие войны гроша ломаного не стоят! Я еще раз повторяю, что вы находитесь в государственном, не облагаемом налогами научном учреждении и имеете честь беседовать с личным представителем...

– Его Августейшего Величества Императора, – насмешливо закончил лорд Родрик. – А я, если позволите, личный представитель короля Анакреона. А Анакреон находится чуть-чуть поближе, не правда ли, доктор Пирен?

– Давайте вернемся к делу, – поспешил вмешаться Гардин. – В каком виде вы думаете получать оплату, Ваше Превосходительство? Какими товарами – пшеницей, картофелем, овощами, скотом?

Вице-префект злобно уставился на него.

– Какого дьявола? У нас этого полно! Золото нам нужно. А лучше – хром или ванадий, если они у вас есть.

Гардин расхохотался:

– Ванадий! Да у нас даже железа нет ни крошки! Золото! Да вы взгляните на нашу разменную монету! – Он подал послу монетку. Лорд Родрик поднес ее поближе к глазам и изумился:

- Сталь?

- Вот именно.

- Но я не понимаю...

- На Терминусе практически нет металлов. Мы их импортируем. Разумеется, у нас нет и золота, и все, что мы можем вам предложить, - несколько тысяч бушелей картофеля!

- А... промышленная продукция?

- А станки, простите, из чего делают?

Наступила пауза. Пирен попытался вмешаться:

- Весь разговор представляется мне совершенно бессмысленным. Терминус - не просто планета, а научное учреждение, занятое подготовкой к изданию колоссального труда - Энциклопедии. Послушайте, неужели у вас нет никакого уважения к науке?

- С Энциклопедией под мышкой войн не выиграешь! - парировал лорд Родрик. И, нахмурившись, добавил: - Значит, вы ничего не производите? А свободной земли - хоть отбавляй! Тогда... расплачивайтесь землей!

- Что вы имеете в виду? - удивился Пирен.

- У вас полно незанятой и, наверное, плодородной земли. На Анакреоне найдется немало аристократов, которые будут не против прибавить ваши уголья к своим поместьям.

- Кто дал вам право делать нам такие предложения?!

- Не переживайте так, доктор Пирен. Хватит на всех. Если все наладится и вы станете с нами сотрудничать, все устроится. Никто не пострадает. И ваши люди получат поместья. И титулы, кстати. Надеюсь, вы меня понимаете?

- Искренне признателен, – процедил сквозь зубы Пирен.

Глядя в одну точку, Гардин изрек:

- А не мог бы Анакреон, в свою очередь, обеспечить нас необходимым количеством плутония для нашей атомной электростанции? У нас запасов осталось только на ближайшие несколько лет.

Пирен кашлянул и заерзал в кресле. Возникла неловкая пауза. Наконец лорд Родрик изменил тон:

- А у вас, простите, атомная энергия имеется?

- Ну конечно, – небрежно отозвался Гардин. – Уже пятьдесят тысячелетий все человечество пользуется атомной энергией. Удобная штука, знаете ли. Вот только плутоний добывать стало трудновато...

- Ну да, ну да... – закивал головой лорд Родрик и неожиданно выпалил: – Джентльмены, давайте вернемся к этому вопросу завтра. Прошу меня простить...

Он встал и торжественно удалился. Пирен, проводив его взглядом, пробормотал вслед:

- Непробиваемый, тупоголовый осел!

- Да нет... – перебил его Гардин. – Просто – продукт своего общества, в котором отношения с людьми строятся по принципу: «Я – начальник, ты – дурак. Ты – начальник, я – дурак». Вот и все.

Пирен возмущенно взглянул на него.

- А вы-то, вы-то хороши! Какого черта вы болтали обо всей этой чепухе – военных базах, оплате? Вы в своем уме?

- Вполне. Я просто дал ему возможность выложить все, о чем он думал. Вот он и проговорился насчет истинной цели своего визита – основать на Терминусе

поместья для анакреонской знати. И, естественно, я не позволю ему этого.

– Вы не позволите! Вы! Да кто вы такой? И как у вас хватило наглости проболтаться про нашу атомную электростанцию! И этого достаточно, чтобы нас держали под прицелом!

– Но только не под прицелом, а совсем наоборот. Вы не догадались, зачем я завел этот разговор? Я просто проверил свое давнее предположение.

– Какое?

– Я предполагал, что на Анакреоне больше не существует атомной энергетики. Если бы я ошибался, наш высокий гость непременно заметил бы, что плутоний давным-давно не используется в качестве сырья. А это означает, что атомной энергетики нет на всей Периферии. Нет ее и на Смирне, иначе Анакреон проиграл бы войну. Интересно, не правда ли?

– Потрясающе! – восхищенно воскликнул Пирен, а Гардин только улыбнулся в ответ. Он выбросил окурок сигары и поднял взгляд к ночному небу.

– Они пользуются бензином и углем, не иначе!

...И больше он не сказал ничего, хотя ясно было, что ему еще есть что сказать...

Глава 3

Сказав Пирену, что он не является хозяином «Городских Новостей», Гардин был прав лишь отчасти. Как инициатора и лидера движения за превращение Терминуса в автономный муниципалитет Гардина избрали первым мэром Терминуса. И не имея ни одной акции еженедельника, он фактически контролировал это издание процентов на шестьдесят...

Поэтому неудивительно, что, когда Гардин обратился к Пирену с просьбой разрешить ему посещать заседания Совета Попечителей, еженедельник развернул целую кампанию. Так состоялось беспрецедентное заседание в

истории Академии, во время которого было высказано требование включить представителей городского населения в «национальное» правительство. И, естественно, Пирен любезно согласился...

Сидя в конце стола президиума, Гардин размышлял о том, почему из ученых получают такие плохие администраторы. Видимо, думал он, потому, что они привыкли иметь дело с фактами, а не с живыми людьми.

Слева от него сидели Томасс Сатт и Джорд Фара, а справа – Лундин Краст и Йет Фулхэм. Он был давно с ними знаком, но сегодня все выглядели несколько помпезно.

Пока звучали первые формальные фразы, Гардин дремал и востроился только тогда, когда Пирен глянул в его сторону и обратился, по-видимому, в основном к нему:

– Я с удовлетворением сообщаю вам, что за время, прошедшее с нашего последнего заседания, я получил послание от лорда Дорвина, имперского канцлера, о том, что он собирается посетить Терминус через две недели. Из этого следует, что наши отношения с Анакреоном смягчатся и станут выгодными для нас, как только Император будет проинформирован о сложившейся ситуации.

Он послал Гардину ослепительную улыбку с другого конца стола.

– Информация об этом передана в «Новости». – Гардин усмехнулся про себя. Складывалось впечатление, что Пирен только для того и согласился допустить его в «святая святых», чтобы выложить это. Он спокойно сказал:

– Я не собираюсь выражать восторгов по этому поводу. Скажите мне только, чего вы ждете от визита лорда Дорвина?

Ответил ему Томасс Сатт. У него была дурная манера говорить о присутствующих в третьем лице:

– Я давно убедился в том, что мэр Гардин – профессиональный циник. Но ему придется согласиться с тем, что Император не позволит задеть свои интересы!

– Да? И что же он предпримет, если они будут задеты?

Советники зашумели.

– Я вам слова не давал! – вмешался Пирен. – И к тому же вы позволяете себе высказывания откровенно изменнического характера!

– Я должен считать, что получил ответ на свой вопрос?

– Да! И если вам больше нечего сказать...

– Вы торопитесь с выводами. Мне бы хотелось задать еще один вопрос. Помимо этого тонкого дипломатического хода, что еще было предпринято в ответ на угрозу Анакреона?

Йет Фулхэм поскреб рыжие пиратские усы.

– А вы полагаете, что угроза существует?

– А вы – нет?

– Вряд ли... – подняв глаза к потолку, протянул Фулхэм. – Император...

– О боже! – всплеснул руками Гардин. – Да что же это такое? Все говорят: «Император, Империя», – как будто заклинание!

Император от нас в пятидесяти тысячах парсеков, и я очень сомневаюсь, что ему до нас есть дело. Да если и так, чем он может нам помочь? Все корабли имперского флота теперь в руках Четырех Королевств, и Анакреона в том числе. Послушайте, нам придется сражаться оружием, а не разговорами!

И вот еще что. У нас было два месяца. Мы дали Анакреону понять, что у нас в руках атомное оружие. Но мы-то с вами отлично знаем, что это не так. У нас есть атомная энергия, да и та – на исходе. И об этом узнают. Если думаете, что они позволят долго водить себя за нос, то глубоко заблуждаетесь.

– Многоуважаемый...

– Подождите, я еще не закончил! – Гардин сам чувствовал, что разошелся не на шутку, но продолжал в том же духе: – Как мило, что в это дело вмешивается канцлер. Но было бы гораздо лучше, если бы нам удалось обеспечить себя атомным оружием. Мы уже два месяца потеряли. Боюсь, что времени у нас просто не осталось. Что вы намерены предпринять?

Ему ответил Лундин Краст, сердито морща длинный нос:

– Если речь о милитаризации Академии, я не желаю далее слышать об этом! Это – открытая политическая акция. А мы, господин мэр, научное учреждение и ничто иное.

Сатт добавил:

– Да он, помимо всего прочего, не понимает, что создание оружия отвлечет людей, ценных сотрудников, от подготовки Энциклопедии. Этого нельзя допустить, что бы ни происходило!

– Совершенно верно, – подтвердил Пирен. – Прежде всего и всегда – Энциклопедия.

Гардин мысленно простонал.

«Они все больны, – думал он, – болезнь называется – энциклопедист». Вслух же он холодно произнес:

– Видимо, уважаемому Совету просто никогда в голову не приходило, что у Терминуса могут быть другие интересы, помимо Энциклопедии.

Пирен буркнул:

– У Академии нет и не может быть других интересов.

– Я не об Академии. Я – о Терминусе. Боюсь, вы сильно недооцениваете ситуацию. Нас на Терминусе – почти миллион. Непосредственно над

Энциклопедией работает не более ста пятидесяти тысяч человек. Для остальных Терминус – дом. Мы родились здесь. Наши фермы, дома, фабрики значат для нас больше, чем Энциклопедия. Разве не естественно, что мы хотим все это защитить?

Его последние слова потонули в общем крике.

– Энциклопедия превыше всего! – рявкнул Краст. – Мы исполняем великую миссию!

– Миссию, будь она неладна! – воскликнул Гардин. – Да, это было так пятьдесят лет назад! Теперь здесь живет новое поколение!

– Нас это не должно волновать, – упорствовал Пирен. – Мы – ученые.

Тут уж Гардин взорвался окончательно:

– Да ну? А у вас, случаем, не галлюцинация? Ваша возня здесь – потрясающий пример того, что происходит в Галактике в последние тысячелетия! Какой же «наукой» вы занимаетесь и собираетесь заниматься еще века? Классификация работ ученых прошедших веков? А вам никогда не хотелось сделать шаг вперед и развить научную мысль? Нет! Вам нравится загнивать. Вместе со всей Галактикой. Вот почему Периферия бунтует. Вот почему рвутся нити коммуникаций, вот почему тянутся бесконечные войны, вот почему целые звездные системы от атомной энергии возвращаются к варварским методам энергетического обеспечения. Так вот, если вас интересует мое мнение, я скажу: Галактика на грани распада!

Он замолчал и откинулся в кресле, чтобы перевести дыхание.

Ему пытались ответить сразу двое или трое. В конце концов слово взял Краст:

– Не понимаю, чего вы добиваетесь своими истерическими выпадами, господин мэр. Совершенно очевидно, что ваше участие в дискуссии неконструктивно. Я предлагаю, господин Председатель, чтобы сказанное господином мэром в протокол не вносилось и чтобы мы вернулись к обсуждению с того момента, когда оно было прервано.

Тогда заговорил Джорд Фара, который до сих пор хранил молчание. Его немалому весу вполне соответствовал солидный бас.

– А не забыли ли мы кое о чем, господа?

– О чем? – удивился Пирен.

– О том, что через месяц мы празднуем нашу пятидесятую годовщину.

– И что же?

– А то, что в день юбилея будет раскрыт Склеп Гэри Селдона. Вам никогда не приходило в голову, что окажется в этом Склепе?

– Не знаю... – пожал плечами Пирен. – Скорее всего, ничего из ряда вон выходящего. Поздравление с юбилеем, наверное. Не думаю, что этому стоит придавать большое значение, хотя «Городские Новости», – тут он выразительно глянул на Гардина, – посвятили этому целый номер. Но я запретил выпуск.

– А-га... – протянул Фара, глядя в потолок. – А зря, пожалуй. Вряд ли раскрытие Склепа приходится на очень подходящий момент.

– Вы хотите сказать «на очень неподходящий момент», – пробормотал Фулхэм. – У нас и без того достаточно причин для беспокойства.

– Что может быть важнее послания от Гэри Селдона? – Фара становился все более важным и загадочным.

Гардин с интересом изучал его мясистую физиономию и думал, куда тот клонит.

– Видите ли, – оживился Фара, – такое впечатление складывается, будто все забыли, что Селдон был величайшим психологом нашего времени и основателем Академии. Мне представляется весьма вероятным, что он пользовался наукой для прогнозирования возможного течения истории на ближайшее будущее. Если так, а скорее всего это именно так, он, конечно же, предусмотрел, как предупредить нас об опасности, и скорее всего предусмотрел и то, как этой опасности избежать. Энциклопедия была дорога его сердцу, вам это не хуже

меня известно.

Наступила напряженная пауза. Наконец Пирен хмыкнул:

– Ну... я не знаю... Психология, конечно, великая наука – кто с этим спорит? Думаю, вы выводите нас в сторону.

Фара, не обращая внимания на слова Пирена, обратился к Гардину:

– Если не ошибаюсь, вы изучали психологию у Алурина?

– Да, – улыбнулся Гардин. – Но, честно признаться, я не был примерным учеником. Теория казалась мне скучноватой. Меня интересовала инженерная психология, но без практики я почел за лучшее заняться политикой. Что, в конечном счете, одно и то же.

– Ну и как вы думаете, что в Склепе?

– Не знаю, – честно ответил Гардин.

До конца заседания он не произнес ни слова, хотя разговор опять вернулся к визиту канцлера. Он не говорил и больше не слушал. Мысли его потекли в другом направлении. Все, что прежде поддавалось логике, теперь распадалось на куски. Он пытался собрать эти куски, как части головоломки, в единое целое.

Ключом была психология – теперь он в этом уверен.

Он отчаянно вспоминал то, что изучал когда-то, и выудил наконец на свет божий ниточку, за которую можно было ухватиться.

Такой великий психолог, как Селдон, достаточно хорошо разбирался в людских эмоциях и поведении, чтобы прогнозировать будущее.

А это значило... О-го-го!

Глава 4

Гардину лорд Дорвин сразу не понравился. Он нюхал табак и свои длинные, изящно завитые локоны то и дело накручивал на пальцы. Речь его отличалась исключительной изысканностью и грассированием.

Но неприязнь Гардина он вызвал не всем вышеперечисленным. Виной тому были подчеркнута элегантные манеры и снисходительность, с которой он выслушивал любую фразу Гардина.

Как бы то ни было, Гардину срочно нужно было отыскать канцлера, который исчез вместе с Пиреном полчаса назад, точно испарился, будь он неладен.

Гардин торопился. Он прекрасно понимал, что Пирена как нельзя лучше устраивает его отсутствие во время предварительных переговоров.

Пирена видели на этом этаже, в этом крыле. Что ж, придется просто открывать все двери подряд – чем он и занялся. Как ни странно, ему быстро повезло.

В затемненной комнате на фоне освещенного экрана Гардин увидел профиль лорда Дорвина – из-за замысловатой прически его невозможно было спутать.

Канцлер обернулся к двери.

– А, Гавдин! Вы нас вазыскивали, да?

Он протянул Гардину кустарную табакерку с препакоственным табаком. Гардин вежливо отказался, а лорд Дорвин сделал понюшку и заулыбался.

Пирен нахмурился, но Гардин сделал вид, что ничего не замечает.

В тишине раздался стук крышечки табакерки. Канцлер отставил ее в сторону и изрек:

– Пвосто потввсающее достижение, Гавдин, – эта ваша Энциклопедия. Я бы сказал – одно из самых потввсающих достижений всех ввввмен и наввввдов.

– Мы тоже так считаем, милорд. Но работа еще не закончена.

– Я не так много успел посмотреть, но совершенно не сомневаюсь, что работа идет успешно. Очень успешно, не боюсь утверждать.

Он улыбнулся Пирену, и тот ответил ему почтительным кивком.

«Ну просто праздник любви», – подумал Гардин, а вслух сказал:

– А я, милорд, вовсе не хотел сказать, что работа плохо продвигается. Я просто подчеркнул, что так же неплохо продвигается деятельность Анакреона, которая может перечеркнуть всю нашу работу.

– О да, Анаквеон... Я только что оттуда. Совершенно ваввавская планета. Вообще твудно пведставить, как тут, на Певифевии, живут люди. Они лишены элементарных удобств, приспособлений, необходимых для жизни любому культурному человеку! Никакого комфовта!

Гардин сухо перебил его:

– К сожалению, анакреонцы обладают всем необходимым для ведения войны и кучей приспособлений для нападения и разрушения.

– Ну да, ну да...

Лорду Дорвину явно не понравилось, что его прервали на полуслове.

– Только мы сейчас про дела говорить не будем. Хотя это очень, очень меня тревожит. Доктов Пивен, вы, кажется, хотели продемонстрировать мне второй том? Будьте добры...

Свет погас. Следующие полчаса о Гардине не вспоминали, как будто он находился не здесь, рядом, а на Анакреоне или где подальше. У него не было никакого желания углубляться в перелистываемую на экране книгу, а вот лорд Дорвин то и дело высказывал искреннее восхищение.

Когда вновь вспыхнул свет, лорд Дорвин поинтересовался:

- А интересно узнать, вы, случайно, не интересуетесь археологией, Гавдин?

- Как вы сказали? А... Нет, милорд. Не могу сказать, чтобы очень интересовался. Я учился на психолога, а стал политиком.

- Ну это вы зря, зря... Потрясающе интересные исследования. Сам я, признаться, просто без ума от археологии!

- Да что вы?

- Его Превосходительство, - вмешался Пирен, - большой специалист в этой области.

- Наверное, наверное, так, - смущенно, но не без гордости проговорил лорд Дорвин. - Я очень, очень много поработал над этой наукой. Прочитал все, что только можно. Все работы Джовдана, Квомвилля, ну, в общем, много кого.

- Фамилии мне знакомы, - сказал Гардин. - Но читать - не читал.

- Непременно, непременно почитайте, мой довод! Вам понравится, очень понравится! Я почему так обрадовался, что меня послали сюда, на Певифевию, - здесь я мог ознакомиться с копией работы Ламета. Вы не повесите, но у меня в библиотеке нет этой работы. Кстати, доктор Пивен, вы не забыли, что обещали мне скопировать ее?

- Это моя святая обязанность.

- Ламет, должен вам сказать, - произнес лорд Дорвин торжественно, - во многом проливает свет на «Основной вопрос».

- Какой вопрос? - поинтересовался Гардин.

- «Основной вопрос». Вопрос о происхождении человечества. Вы наверняка знаете, что было время, когда думали, что человечество сначала проживало в единственной планетарной системе?

- Да, мне это известно.

- Конечно, никто не знает наверняка, что это была за система. Знания утрачены в туманной древности. Есть, однако, кое-какие предположения. Некоторые говорят, что это мог быть Сивиус. Другие утверждают, что это была Альфа Центавра, третьи - что Солнце, четвертые - шестьдесят первая Лебедя. Но, обратите внимание - все системы в секторе Сивиуса!

- Ну а Ламет что говорит?

- У него совершенно другой подход! Он утверждает, что археологические находки на третьей планете системы Автува неопровержимо доказывают, что человечество проживало там в докосмическую эру.

- Это что же означает, что человечество зародилось именно на этой планете?

- Наверное! Но я еще должен внимательно ознакомиться с работой для того, чтобы высказать более определенные соображения. Пока я могу только сказать, что его наблюдения очень, очень ценны.

Некоторое время Гардин молчал, потом спросил:

- А когда Ламет написал свою работу?

- Примерно восемьсот лет назад. Конечно, он в большой степени основывался на предыдущих работах Глена...

- Почему же вы так безоговорочно верите ему? Не лучше было бы лично отправиться на Арктур и самостоятельно изучить материал раскопок?

Лорд Дорвин удивленно вскинул брови и поспешно взял щепотку табака.

- Но... для чего, мой довод?

- Для того, чтобы иметь информацию из первых рук.

– Но я не вижу необходимости. Такой способ представляется мне совершенно несвоевременным и непрактичным. Ну посмотрите. Я располагаю работами всех выдающихся мастеров – всех великих археологов прошлого. Я их читаю, сравниваю их выводы, анализирую, вешаю, кто из них прав, а кто – не прав, и делаю свое заключение. Вот это настоящий научный подход. По крайней мере (тут он смущенно улыбнулся) я так считаю. А на Актув лететь нет совершенно никакого смысла, когда выдающиеся мастера там все перекопали вдоль и поперек.

– Я понял вас, – усмехнулся Гардин. Научный метод, черт бы тебя побрал! Чего уж тут удивляться, что Галактика того и гляди развалится!

– Милорд, – обратился к лорду Дорвину Пирен, – полагаю, нам лучше вернуться ко мне в кабинет.

– Да, навечно, навечно...

Когда они были уже у двери, Гардин неожиданно спросил:

– Милорд, вы позволите задать вам один вопрос?

Лорд Дорвин натянуто улыбнулся, но сопроводил ответ изящным движением руки.

– Безусловно, мой дорогой. Очень рад, если мои скромные познания вам помогут.

– Но это не из области археологии, милорд.

– Нет? Как жаль...

– Нет. Дело вот в чем. В прошлом году на Терминус поступило сообщение о том, что на атомной электростанции пятой планеты Гаммы Андромеды произошел взрыв. Детали происшествия нам не известны. Не могли бы вы рассказать, что именно там произошло?

Физиономия Пирена выражала все, что он думал о Гардине в эту минуту.

– Перестаньте надоедать Его Превосходительству посторонними вопросами!

– Ничего, ничего страшного, доктор Пивен! – успокоил его канцлер. – Все в порядке. Я, признаться, не слишком хорошо осведомлен об этом случае. Мне известно, что электростанция взорвалась, и это была катастрофа, просто катастрофа... Погибло несколько миллионов людей, и половина планеты просто превратилась в руины. В настоящее время правительство рассматривает вопрос о введении определенных ограничений на применение атомной энергии, но это, как говорится, совершенно секретно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Далее даты приводятся в основном в современном летоисчислении. Первым годом новой, Академической Эры считается 79-й.

2

Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го Издания, опубликованного в 1020 году Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения Издательства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/azimov_ayzek/akademiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)